

УДК 9(С18)

ББК 63.3(2Р5)52

Административно-территориальное устройство Азиатской России в XIX – начале XX вв.

М. В. Шиловский

*Новосибирский государственный университет,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск*

В статье рассматриваются процесс формирования административного устройства и территориальное деление Азиатской России в XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: Азиатская Россия, Сибирь, административное деление, губернии, власть.

Главным содержанием правительственной политики по отношению к региону в указанный период, по определению А. В. Ремнева, «продолжало оставаться стремление охранять и сохранять» [1]. Наглядно данное обстоятельство отразилось в структуре государственных расходов на Сибирь. В 1819 г. военные затраты составили 69 % расходной части сибирского бюджета, содержание аппарата управления и духовенства – 11,8 %, издержки кабинетских заводов – 21,6 %, содержание заключенных – 2,2 %, расходы на образование – 0,8 % [2].

В первые месяцы правления Александра I сенатору И. О. Селифонтову поручается осуществление ревизии управленческой системы Азиатской России, а в 1803 г. его назначают генерал-губернатором единого Сибирского генерал-губернаторства с центром в Иркутске. Согласно специально разработанной инструкции высшее должностное лицо территории имело право назначения и увольнения всех местных чиновников, за исключением губернаторов, вице-губернаторов и начальников губернских палат. Особо предписывалось искоренять «дух ссоры и ябеды», что давало генерал-губернатору право пресекать жалобы на действия местной администрации в центральные управленческие структуры. Опираясь на предоставленные полномочия, И. О. Селифонтов в 1804 г. добился выделения из состава Тобольской Томской губернии, уменьшил число уездов. В 1803 г. были образованы Камчатская область и Охотское приморское управление. В 1805 г. учреждается Якутская область и упраздняется Нерчинское областное правление.

Значительное воздействие на ход дальнейшего реформирования оказали министерская реформа 1802 г. и усиление отраслевого принципа управления. Для осуществления новой административной реформы в регионе учреждается 1-й Сибирский комитет (1821–1838). По предложению в очередной раз реорганизовавшего Сибирь М. М. Сперанского, межведомственный орган обсудил и

одобрил, а император Александр I 22 июля 1822 г. утвердил пакет из 10 законов, получивших название «Сибирское учреждение» («Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и инородцами»). О грандиозности проделанной составителями работы можно судить только по одному показателю – весь комплекс состоял из 4019 параграфов [3].

Согласно «Сибирскому учреждению», Азиатская Россия разделялась на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. К первому относилась Тобольская, Томская губернии и образованная в 1823 г. Омская область; ко второму – Иркутская, Енисейская (образована в 1823 г.) губернии, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление. Губернии делились на округа, организованные вместо уездов, округа включали волости и инородные управы.

Существенной особенностью сибирского генерал-губернаторского управления являлось создание при генерал-губернаторах советов главных управлений, а также губернских и окружных. М. М. Сперанский предлагал организовать функционирование местной власти на принципах законности, разделения и единства властных полномочий, создания противовесов единой власти на всех уровнях управления. Главные управления должны были осуществлять связь с высшими и центральными государственными учреждениями и являться частью «министерского установления, действующего на месте».

Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора в составе трех представителей от министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и трех членов в качестве производителей дел, назначаемых по представлению генерал-губернатора. Члены-производители возглавляли три отделения канцелярии Совета. Орган имел лишь совещательные функции. Однако хотя его постановления не имели обязательного характера, но в случае наличия разногласий между членами Совета или несогласия с мнением генерал-губернатора возникало право особого мнения, которое фиксировалось в журнале заседаний и сообщалось в Петербург. «Таким образом, – резюмирует А. В. Ремнев, – закон предоставлял легальную возможность не соглашаться с мнением начальника и, кроме того, это означало появление официального канала для поступления информации в центр» [4].

По аналогии с главными управлениями функционировало управление на губернском и окружном уровнях. В губерниях учреждалось общее и частное (отраслевое) управление. В губернский совет под председательством губернатора входили председатели губернских учреждений и губернский прокурор. Частное губернское управление состояло из губернского правления, казенной палаты, губернского суда и прокурора. В состав органа входил особый председатель и четыре советника, один из которых управлял экспедици-

ей о ссыльных. От губернатора зависело назначение и увольнение большинства чиновников в губернии и представление их к повышению в классном чине и наградам. Он имел право на пересмотр уголовных дел. Областное управление представляло сокращенный вариант губернского.

Округа подразделялись на многолюдные, средние и малолюдные. Лишь в первом случае предусматривался полный набор государственных учреждений. В общее окружное управление входили окружной начальник и окружной совет из глав местного частного городского и окружного управления, окружного стряпчего и канцелярии. Окружному совету поручался общий надзор и особые меры управления (общая проверка казенных сумм и имущества, ревизия недоимок, составление списка справочных цен и т. д.). В компетенцию частного окружного управления входило: полиция, хозяйство, суд и надзор, что осуществлялось земским судом, казенным управлением (казначейство, соляное и винное управление, землемерная часть), окружным судом и окружным стряпчим. Земские суды курировали крестьянское самоуправление, доводили до него постановления властей, принимали экстренные меры в чрезвычайных обстоятельствах (стихийное бедствие, эпидемия, эпизоотия), контролировали состояние хлебозапасных магазинов, надзирали за ссыльными. Камчатское и Охотское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление организовывались на общих началах с окружным управлением. Отличительной чертой последнего было наличие пограничного комиссара в качестве руководителя и отсутствие окружного совета.

Фактически весь XIX век и начало XX-го применительно к изучаемой территории характеризуется непрерывной экспансией Российской империи по всем пограничным направлениям. Уже в первом десятилетии XIX в. русское правительство принимает решение о занятии Сахалина. Специальным указом от 4 сентября 1821 г. провозглашаются принадлежащими России все владения по северо-западному берегу американского континента от Берингова пролива до 51-го градуса северной широты, по Алеутским островам, восточному берегу Сибири, Курильским островам от Берингова пролива до южной оконечности острова Уруп. Но в 1824–1825 гг. под давлением США и Англии заключаются соответствующие конвенции, по которым разграничительная линия русских владений отодвигалась до отметки 54 градуса северной широты.

Одновременно на юге Западной Сибири начинается процесс инкорпорации в российское имперское пространство формально признавших вассальную зависимость казахов Среднего жуза в территориальных рамках Омской области. Это территориально-административное образование состояло из внутренних (Омский, Петропавловский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский) и внешних (Кокчетавский, Каркаралинский, Акмолинский, Баян-ульский, Аягузский и др.) округов. Внешние округа имели только северную границу. Аулы объединялись в волости, а последние – в округа. Окружное управление (приказ или «диван») возглавлял старший султан, осуществлявший управленческие функции с помощью четырех заседателей: двух – от русских, двух – от казахов. Казахские заседатели выбирались самим населе-

нием, но утверждались администрацией. Делопроизводство велось на русском и татарском языках [5]. Характерно, что, образуя кочующее вслед за номадами управление (приказам предписывалось следовать за подведомственным населением), русская администрация обещала установить порядок, прислать сельскохозяйственный инвентарь, семена, помочь в сооружении мечетей. Одновременно в степи в 1849–1850 гг. организуется шесть новых станиц Сибирского казачьего войска (СКВ) за счет переселенцев из Оренбургской и Саратовской губерний. Попытка сопротивления усилению русского влияния в степи под руководством Кенесары Касымова была пресечена силовыми методами.

Новый виток территориальной экспансии начался почти одновременно на юге Западной Сибири и Дальнем Востоке. В 1846 г. отрядами, посланными с Иртышской линии, было основано укрепление Копал. В 1854 г. в урочище Алматы закладывается русское военное укрепление Заилийское, переименованное вскоре в Верное, а в 1867 г. получившее статус города. В 1854–1855 г. в Семиречье началось переселение 750 семей казаков и 200 крестьянских семей [6]. В бассейне Тихого океана 11 апреля 1853 г. Николай I предоставил Российско-Американской компании право организовать на Сахалине стационарный пост и проведение с этой целью вооруженной экспедиции (десанта), которая была осуществлена осенью того же года под руководством Г. И. Невельского. Результатом стало основание в заливе Анива Муравьевского, а непосредственно на острове – Ильинского постов.

Плацдармом для продвижения на восток со стороны Сибири стала выделенная из Иркутской губернии в 1851 г. Забайкальская область. По инициативе восточно-сибирского генерал-губернатора Н. Н. Муравьева в 1854, 1855, 1858 и 1859 гг. организуются сплавы по Амуру с целью установления военного контроля над рекой и переброски войск в устье Амура. Обычно обращается внимание на организационную и повседневную стороны этих мероприятий, и как-то игнорируется сам факт проведения сплавов, по крайней мере, до 1858 г., по территории суверенного Китая. В 1856 г. одновременно организуются Приморская область и Сибирская военная флотилия. За четыре года объединение пополнилось 18 пароходами, в том числе закупленными в США, а также корветами, клиперами и фрегатами, переведенными с Балтики. В 1871 г. главный порт флотилии переносится из Николаевска-на-Амуре во Владивосток. Закончилось все это подписанием Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров с Китаем, закрепивших за Россией левобережье Амура и Приморье. Несмотря на сопротивление Японии, не признававшей прав России на Южный Сахалин, с 1859 г. сюда начали отправлять морским путем каторжан из Европейской России, открывать каменноугольные копи и строить военные посты. Экспансия официально закрепляется Петербургским договором 1875 г. с Японией об обмене Сахалина на Курильские острова.

Пока Россия утверждалась на Амуре, существенные подвижки произошли в Семиречье, где в октябре 1862 г. отряд полковника Г. А. Колпаковского занял кокандскую крепость Пишпек, а в 1863 г. – еще две. В конечном счете, в 1864 г. Россия и Китай подписали Чугучакский протокол, который, в разви-

тие Пекинского договора, определил прохождение русско-китайской границы от Алтая до Тянь-Шаня.

Непосредственным результатом очередной ревизии Западной Сибири генерал-адъютантом Н. Н. Анненковым стало создание 2-го Сибирского комитета (1852–1864). Приступая к своей деятельности, межведомственный орган выяснил, что ежегодно Сибирь приносила государству доход в сумме 19 700 тыс. руб. серебром. Из этой суммы на содержание местного управления тратилось 2340 тыс., на военные цели – около 1500 тыс. руб. Чистый доход исчислялся в 15 960 тыс. руб. Из этой суммы в пользу Кабинета его императорского величества (КИВ) перечислялся доход от горнозаводского производства в горных округах КИВ и ясак в сумме 2975 тыс. руб. Остальные 12 885 тыс. руб. составляли доход государственного казначейства [7].

Комитет установил действенный контроль за деятельностью сибирской администрации, стимулировал переселение государственных крестьян из Европейской России, санкционировал введение частной собственности на землю в Западной Сибири, реорганизовал управление образованием в регионе, существенно увеличил квоту обучающихся за государственный счет сибирских студентов в вузах Европейской России. Некоторые вопросы оказались неразрешимыми. Утопичной для реалий середины XIX в. стала идея создания дворянского сословия за Уралом, не удалось организовать здесь образцовые крестьянские волости. И хотя межведомственный орган повысил управляемость регионом, но ему не удалось выработать комплексный подход к освоению Сибири.

Фаза активной экспансии в конце 1860–1870-х гг. сменилась на попятное движение. В кризисной ситуации оказалось акционерное общество Российско-Американской компании (РАК). Одной из причин стала высокая затратность содержания социальной сферы колонии (снабжение населения продовольствием, выплата пенсий, финансирование медицинского персонала и т. д.). Социальные траты, наряду с другими факторами, привели к финансовому кризису объединения. В отличие от современной ситуации государство не разрешило хозяйствующему субъекту «сброс» социальной сферы и тем самым предопределило банкротство ЗАО, тесно связанного с ним. В 1860-х гг., в связи с изменением ситуации на мировом чайном рынке, РАК в очередной раз оказалось в кризисной ситуации. Она могла быть преодолена, но из-за жесткой позиции российского правительства только усугубилась [8] и завершилась продажей Русской Америки США в марте 1867 г. Тем самым устанавливалась четкая граница колониционных процессов в северной части Евразии.

В 1871 г. в результате военной экспедиции генерала Г. А. Копаковского к России присоединяется Илийский край, включая его столицу г. Кульджу, который возвращается Китаю согласно условиям Петербургского мирного договора 1881 г. Многими тогда он оценивался как неоправданная уступка Пекину, но нужно иметь в виду, что эта акция существенно улучшила отношения между двумя странами и заложила основу для последующих российских внешнеполитических акций в Китае в конце XIX – начале XX вв.

Прерванное в 1870-е гг. движение на восток возобновилось в 1896 г. подписанием между китайским правительством и правлением Русско-Китайского банка соглашения о строительстве железной дороги в Манчжурии (КВЖД) и установлением концессии на нее сроком на 80 лет. В марте 1898 г. Китай передал России право на аренду южной части Ляодунского полуострова и Порт-Артура с образованием здесь Квантунской области. Манчжурский проект, по моему мнению, являл принципиально новый подход российской власти к внешнеполитической экспансии. Россия в очередной раз определила границы поля колонизации. Но в предшествующие периоды осваиваемая территория так или иначе включалась в состав государства. В данном же случае КВЖД выступала в качестве внешней (южной) границы экспансии.

30 июля 1903 г. образуется Дальневосточное наместничество в составе Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области во главе с адмиралом Е. И. Алексеевым. Центром новой территориально-административной структуры (1903–1905) стал Порт-Артур, город, построенный на арендованной у соседнего государства земле. Для согласования принципов организации взаимодействия наместника и центральных ведомств создается Особый комитет по делам Дальнего Востока. Указом от 1 сентября 1903 г. компетенция наместника определялась как вся полнота гражданской и военной власти на Дальнем Востоке. В октябре 1904 г. Е. И. Алексеева назначили одновременно членом Государственного совета и Комитета министров. Сам же он в специальной записке «Об устройстве управления в областях Дальнего Востока» добивался предоставления права административной высылки, командования местными войсками, ведения сношений с соседними странами, права изменения административно-территориального деления в пределах наместничества, утверждения смет и раскладки земских повинностей, введения различных сборов, отчуждения казенных земель, изменения в правилах эксплуатации казенных лесов, управления водными путями сообщений и права принимать в российское подданство. «Фактически на Дальнем Востоке создавалась империя в империи» [9].

Даже после поражения в Русско-японской войне и утраты Ляодунского полуострова КВЖД продолжала использоваться в качестве основного средства экономического и военного закрепления присутствия России в Манчжурии. Достаточно сказать, что в 1916 г. в полосе ее отчуждения проживал каждый пятый житель российского Дальнего Востока (205,9 тыс. чел.). Здесь дислоцировалось 8 пехотных, 3 конных полка, 4 железнодорожных батальона [10], сведенных в Заамурский корпус пограничной стражи, формально подчинявшийся правлению дороги, но в случае войны развертывающийся в передовой армейский корпус русской армии. Манчжурский опыт использовали для экспансии в Центральной Азии, выразившейся в установлении политического и экономического преобладания России в северном Иране (1907), Синьцзяне и Монголии (1912), объявлении протектората над Урянхайским краем (1914).

В начале XX в. существенных изменений в административно-территориальной структуре Азиатской России не произошло. В 1897 г. округа, за исключением Якутской области, преобразовали в уезды. Лишь в 1916 г. Министерство внутренних дел начало подготовку выделения из состава Томской Алтайской губернии в связи с существенным увеличением численности населения алтайских уездов (Барнаульского, Бийского, Змеиногорского) за счет переселенцев. Одновременно началась подготовка законопроекта о введении земских учреждений в Тобольской, Томской и Алтайской губерниях. В рамках обозначенного процесса особое внимание обращается на Сургутский и Березовский уезды Тобольской губернии, заселенные преимущественно «инородцами». На этом пространстве площадью 604 442 кв. версты в 1916 г. проживало 27 608 чел., которые в административном отношении распределялись по 3 волостям и 8 инородческим управам.

Организация управления земско-хозяйственными вопросами должна была осуществляться на основе «Временных правил о земских повинностях в уездах Березовском, Сургутском и в тех частях Тобольского и Туринского уездов Тобольской губернии, на которые не распространяется Положение о губернских и уездных земских учреждениях, а равно в Тогурском уезде Томской губернии». Основной структурой в этом деле объявлялся уездный съезд по земским повинностям под председательством уездного исправника и в составе: податного инспектора, представителя от местного (губернского) управления земледелия и государственных имуществ и доверенных (гласных) от населения – по одному от каждой волости и инородной управы, избираемых на три года волостными сходами и собраниями членов родов. Кроме того, в состав Березовского уездного съезда должны были входить делегаты (по одному) от Березовского городского общественного управления и Обдорского сельского общества.

Съезд созывался один раз в год с разрешения губернатора и рассматривал проект сметы доходов и расходов на очередной год, определял раскладки натуральных повинностей по волостям и другие вопросы, «связанные с земскими повинностями». Для повседневного руководства образовывался уездный комитет под председательством исправника. Созданные таким образом органы ведали примерно тем же кругом вопросов, что и земские учреждения в целом по стране (образование, здравоохранение, агрономическая помощь, пути сообщения и т. д.). Сверх того им предоставлялось право выделять средства на следующие цели: «1) по устройству и содержанию необходимых средств сообщения и пристаней по водным путям для разъездов должностных лиц и земской почты; 2) по оценке недвижимых имуществ, подлежащих обложению земским сбором; 3) по ведению делопроизводства губернского управления, а равно уездных и участковых комитетов по земским повинностям; 4) по участию в содержании... центральной школы фельдшеров в Омске, а равно Тобольской акушерско-фельдшерской школы и Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы; 5) по общественному презрению; 6) по осуществлению мер к развитию и улучшению местного сельского хозяйства, оленеводства, рыболовства, торговли и промышленности; 7) по принятию

мер к охране пушного промысла, и 8) по борьбе с причиняющими вред местному хозяйству хищными животными».

Источниками земских доходов в пределах уезда объявлялись сборы с рыболовных участков, состоящих во владении казны, частных лиц, крестьян и аборигенов в размере не свыше 15 % от извлекаемого дохода; сборы с оленей. Поголовье их исчислялось раз в три года в присутствии станového пристава и членов инородной управы. К источникам относился сбор с земель и лесов, отведенных крестьянам и оседлым аборигенам. В качестве пособия для пополнения доходной части сметы земских сборов предусматривалось отчисление из бюджета губернского земства и пособие от казны в размере 30 тыс. руб. для всех северных территорий Тобольской губернии.

Закон предполагалось ввести в действие с 1 января 1919 г. При его оценке следует иметь в виду, что уездные съезды осуществляли лишь предварительное обсуждение смет, которые потом могли существенно корректироваться губернатором и министром внутренних дел. Лишь по вопросу о натуральных повинностях им предоставлялось право принимать окончательные решения. Передача руководства комитетами исправникам объяснялась тем, что они уже к тому времени отвечали за снабжение коренных жителей мукой, солью и охотничьими припасами [11].

В целом, к 1917 г. внутренняя политика самодержавия в отношении Сибири исходила прежде всего из признания специфического статуса региона и создания особого порядка управления. В регионе не было введено земство, с большим опозданием проведена в урезанном виде судебная реформа. Отличалась спецификой территориально-административная организация, которая, по мнению А. В. Ремнева, сводилась к следующему:

1) значительно большая, чем в европейской части России, территория аналогичных административных единиц – губерний, округов (уездов) и волостей;

2) административные границы не столько обозначали уже сложившиеся экономические районы, сколько активно формировали их;

3) сибирские города располагались на большом расстоянии друг от друга, и их роль, как центров, стягивающих административную территорию, была существенно слабее, чем в Европейской России. Это порождало известную автономию сельской местности, дисперсность административных функций;

4) неразвитость коммуникаций, слабая интенсивность торговых отношений порождали и большую автономию в действиях местных органов управления и самоуправления, плохо обеспеченных соответствующей правовой базой;

5) значительная удаленность региона от центра страны, где были сосредоточены высшие и центральные органы власти, приводила фактически к административной децентрации (лишь отчасти зафиксированной в законе), что снижало степень централизованной управляемости региона;

6) приниженная роль губернских ведомственных учреждений и губернатора по сравнению с генерал-губернатором при явном стремлении первых

добиться большей самостоятельности, опираясь на поддержку министерств и главных управлений в столице;

7) более высокая степень милитаризации управления, значительная зависимость административно-территориального управления от военно-политических задач, когда на первый план выходят интересы комплектования и содержания вооруженных сил, охраны государственных границ, а также планы имперской экспансии» [12].

Можно согласиться с выводом С. Беккера о том, что «натиск имперской политики России в XIX в. продолжался в давно уже выбранном направлении – административной интеграции периферии с центром. Однако государственное строительство в России столкнулось с помехами, препятствовавшими ее продвижению к данной цели по пути, проторенному западными государствами за столетие до этого. Российская династическая империя не смогла развиваться в государство-нацию» [13].

1. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 28.

2. *Карцов В. Г.* Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965. С. 75–77.

3. *Дамешек И. Л.* Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005. С. 158.

4. *Ремнев А. В.* Указ. соч. С. 84.

5. *Ремнев А. В.* История образования Омской области // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов. Омск, 1998. С. 8–13.

6. *Мальшиева М. П., Познанский В. С.* Начало русской колонизации Семиречья // Гуманит. науки в Сибири. 2005. № 2. С. 70–73.

7. *Волчек В. А.* Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006. С. 96.

8. *Гринева А. В.* Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопр. истории. 2003. № 8. С. 109, 108; Петров А. Ю. Российско-Американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006. С. 280.

9. *Лукоянов И. В.* Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.) // Отеч. история. 2008. № 9. С. 79.

1. *Remnev A. V.* Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the XIX c. Omsk, 1995. P. 28.

2. *Kartsov V. G.* Dekabrist G.S. Batenkov. Novosibirsk, 1965. P. 75–77.

3. *Dameshek I. L.* Russian suburbs in the imperial governing strategy (early XIX – early XX c.). Irkutsk, 2005. P. 158.

4. *Remnev A. V.* Ibid. P. 84.

5. *Remnev A. V.* History of the Omsk region // Steppe land: the area of interaction of the Russians and the Kazach. Omsk, 1998. P. 8–13.

6. *Malysheva M. P., Poznanskiy V. S.* The beginning of Russian colonization in Zhetysu // Humanitarian sciences in Siberia. 2005. N 2. P. 70–73.

7. *Volchek V. A.* The imperial policy at the Eastern suburbs of Russia in the activity of the Second Siberian Committee. Novosibirsk, 2006. P. 96.

8. *Grineva A. V.* Character of mutual relations of Russian colonizers and Alaska native people // Issues of History. 2003. N 8. P. 109, 108; Petrov A.Yu. Russian-American company: national and foreign market activity (1799–1867). M., 2006. P. 280.

9. *Lukoyanov I. V.* Far Eastern regions ruled by Governor-General (1903–1905-s) // National History. 2008. N 9. P. 79.

10. История Дальнего Востока России. Владивосток, 2003. Ч. 3, кн. 1. С. 58, 60, 64.

11. Шиловский М. В. Проект организации земской деятельности на севере Тобольской губернии МВД (декабрь 1916 г.) // История Ямала: дискуссии и научные решения. Салехард ; Екатеринбург, 2006. С. 134–137.

12. Ремнев А. В. Сибирский вариант управленческой организации XIX – начала XX в. // Вестн. РГНФ. 2001. № 3. С. 39.

13. Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 39.

10. History of Far East of Russia. Vladivostok, 2003. Part 3, vol. 1. P. 58, 60, 64.

11. Shilovskiy M. V. Ministry of Internal Affairs of Russian Empire' project of organization of the territorial activity in the north of the Tobolsk province (December, 1916) // History of Yamal: discussions and scientific resolutions. Salehard ; Ekaterinburg, 2006. P. 134–137.

12. Remnev A. V. Siberian variant of the governing organization in the XIX – early XX c. // Bulletin of the Russian Foundation for Humanities (RFH). 2001. N 3. P. 39.

13. Bekker S. Russia and the imperial concept // New imperial History in the former Soviet Union. Kazan, 2004. P. 39.

Administrative-territorial System of Asian Russia in the XIX c. – at the Beginning of the XX c.

M. V. Shilivovskiy

Novosibirsk State University, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (SB RAS), Novosibirsk

The article examines the processes of administrative system formation and territorial division of Asian Russia in the XIX c. – early XX c.

Key words: Asian Russia, Siberia, administrative division, provinces, government.

Шиловский Михаил Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета, заведующий сектором истории Сибири XVI – начала XX вв. Института истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, к. 307, e-mail: kapital@history.nsc.ru

Shilovskiy Mihail Viktorovich – Doctor of Historical Science, Professor, Head of the Department of Russian History, the Novosibirsk State University, Head of the Department of Siberian History of the XVI – early XX c., Institute of History of SB RAS, 630090, Novosibirsk, Nikolayev st., 8-307, e-mail: kapital@history.nsc.ru